

Путиами встреч и обретений Поэзия Веры Лавриной

Гадаю пятый десяток:
Что за сущность такая –
Я?

Вера Лаврина – поэт, писатель, историк, автор художественных и научно-популярных книг для детей. Это эссе не обо всей творческой системе, а лишь о ее сердцевине – поэзии. Большую часть своих стихотворений она опубликовала в 2006 году в сборнике из шести разделов с самым общим заглавием – «Стихи». Но это заглавие очень точно отражает авторский замысел – перед нами не книга стихов, скрепленная единым метасюжетом, а классическое собрание самоценных и самодостаточных стихотворений, в центре которого раскрытие души в целокупном образе лирического «Я». Именно лирическая героиня, ее переживания, уникальность воплощения в мире и составляет основное содержание стихотворений автора. Притягательность самопознания, глубинное переживание античного тезиса – «Познай самого себя – и ты познаешь весь мир» отразились и в том стихотворении поэта, которое взято мной в качестве эпиграфа к эссе, так как разгадыванию той же загадки – «что за сущность такая – Я?» – оно и посвящается.

Пожалуй, главное в лирической героине Веры Лавриной способность любить, проистекающая из приятия мира и своего места в нем, что зачастую придает ее поэзии тональность благодарственной молитвы Богу за чудо жизни:

В эти летние дни
Нельзя не поверить
В совершенство Творенья.

Мотив чуда один из ключевых в стихотворениях поэта. Проявления чуда таятся и открываются взгляду лирической героини во всем – во встрече влюбленных, в рождении детей, в пронзительной красоте природы, в способности, открывая глубины родовой памяти, прикоснуться к опыту тех, кто жил прежде, воскрешать силой благодарного воспоминания любовь и теплоту сердец близких, в даре творчества. Из всего этого и складывается обретение смысла и полноты жизни, данные в переживании лирической героине:

На улицу, быстрее!
В обнимку с юным летом,
Залившим янтарем
Все просини, просветы,
Просветы меж ветвей,
И листьев, и травинок,
Играющих детей,
Порхающих косынок.

На улицу, быстрее!
Не медли ни мгновенья! –
Бегу! Лишь допишу
Свое стихотворенье.

Тем не менее, этот поэтический мир не лишен драматизма. Основная лирическая коллизия рождается из столкновения приятия мира таким, каков он есть, с чувством ответственности поэта перед Богом и Вечностью. Эта коллизия становится источником энергии становления и развития личности, не дает возможности скрыться за спинами других, так как с точки зрения поэта:

Жизнь – это вызов
Для разговора
Поименного с Богом.

Именно такой взгляд лицом к лицу и делает столь значимым и ценным опыт прохождения через жизнь и историю каждой личности. Поэтому так уместна дневниковая манера в цикле «Хронограф». Этим обусловлено и внимание к моментам срыва голоса, бунта, когда лирическая героиня с удивлением обнаруживает, что приятие этой жизни не простой духовный труд, что любовь не безмятежный подарок, что иногда невероятно сильно хочется остаться одной, оказаться вне предстояния Богу, Вечности и любимым:

Одеялом с головой укрыться,
Чтобы все от меня отстали,
Не прикасались ко мне,
На меня не глазели
И в комнату, где я лежу,
Не входили.
Чтоб не спрашивали:
«Что мы будем обедать?»
«И где лежат зеленые колготки?»
«И что такое есть орфограмма?»
И чтобы Он не вопрошал меня вечно:
«А что ты сделала для бессмертья?!»
Да ничего! Ничего я не сделала
Для бессмертья!

С бесстрашной честностью лирическая героиня способна признаться себе в том, что может отпадать от долженствования, увидеть в себе следы несовершенства земного падшего мира, уязвленного раной греха, постигая тем самым глубинную сущность смирения, открывающего не только раны уязвленной совести, но и возможность спасения. Этой бесстрашной честностью пронизаны такие стихотворения, как: «Моя душа, Господь...», «Возвращаюсь из храма...», «Всего лишь...», «Ты обнял меня...», «Не остыла слеза благодати...», «Все считала себя хорошей...», «Прячу от нищей глаза...», «Тяжкое снилось: вместо иконы...» и др.

И все же образ лирической героини в целом выписан более легкими и нежными тонами, раскрывающими глубинную женственность. Это раскрытие зачастую осуществляется посредством одного сдержанного жеста, мгновенного движения души, финального смещения аспекта восприятия, как например, в стихотворении «Помню я и сейчас все свои детские платья...» Сентиментальное путешествие в детство посредством воспоминаний, не лишенных юмора и временами даже самоиронии, вдруг открывает чувства любви и благодарности, которые лежат в основе отношений родителей и детей, несущих в себе более высокий отсвет сакральности, предстающей не в холодно-небесной гамме, а в простой и понятной радости, расцветающей в душе человека эдемским отражением:

Мои детские платья, вы были просто одеждой,
Хоть и полной значенья для ребячьего лада,
Но теперь ваши ситцы, шелка и поплины нежно
Распускаются в памяти, как цветы библейского сада.

Поэтический мир Веры Лавриной не исчерпывается домом и книгами. Остро и пронзительно время от времени звучит в нем и социальная тема, особенно сильно обозначившаяся в стихотворениях 1990-х годов:

Это лучше, что так я живу –
Не стыдно смотреть в глаза
Тем, кто не покупает сыр.

Для поэтической манеры Веры Лавриной характерен лаконизм. Закономерно, что преобладающей формой становится трехстишие, в котором уловлено и запечатлено одно движение души, вызвавшее вспышку удивления чудом или, напротив, нелепицей происходящего. Благодаря тому, что позиция автора в целом предстает четко оформленной и основанной на единой и непреходящей гуманистической системе ценностей, такая искристая фиксация мгновенных впечатлений создает своеобразное лирическое мерцание, не позволяющее поэтическому миру поэта застыть в некоем монументальном единообразии, обеспечивая динамику чувств и передачу духовного роста лирической героини. Эта же манера как нельзя лучше соотносится с классической, практически забытой и оттого еще более ценной культурой сдержанности, когда чувство не обрушивается на читателя во всей своей непроясненности, а оформлено высветляющей его мыслью, стремлением автора к осмысленности существования в бытии. Но при этом автор очень чуток к тому, чтобы в эмоции продолжала трепетать энергия душевного переживания, а рациональность сдерживается сердечностью, отчего и рождается ощущение легкого лиризма. Сдержанная эмоциональность нарастает и в композиции сборника, находя выражение в движении от классических форм к трехстишиям и шестисловиям.

Следует отметить, что последний раздел сборника «Шестисловия» буквально состоит из дистихов по шесть слов в каждом, что способствует выражению смысловых сгустков. Интересно в них акцентирование визуально-живописного и аудиально-музыкального типов восприятий, дающих импульс лирическому отклику. Одним штрихом создается вспыхивающий образ, развитие которого уже в восприятии читателя прорастает отзвуками смыслов и чувств. В этой технике автор опирается с одной стороны, на возможности ассоциативной поэтики, с другой, апеллирует к культурному и жизненному опыту читателя, включая его в процесс порождения смысла как активного субъекта:

Шелест дождя – таким
Слышал его Иисус.

Благодаря этим приемам поэту удается органично выйти к диалогизму как основе отношений я с миром. Неизменность природного бытия, его зримых форм и звуков позволяет автору преодолеть толщу времен и через две тысячи лет ощутить присутствие Другого. Выбор звука дождя рождает разные цепочки восприятий: от мира как храма – к очистительному крещению – до неизменного присутствия Бога Живаго в самых обычных явлениях природы. И этими вариациями смысла стихотворение не исчерпывается.

Для завершающего сборник цикла характерна философичность. Некоторые из шестисловий куда ближе к жанру философского афоризма, нежели лирического стихотворения, например:

Были когда-то победами
Все пораженья мои.

Некоторые напоминают по своей сути максимум, заключающую, как в ниже приведенной, утверждение полноты обретения счастья и гармонии:

Засыпаю счастливая
С Господом и Мужем.

Тем не менее, большинство шестисловий все же собственно художественной природы и представляет собой уловленный образ, чреватый динамикой лирического переживания. Зачастую это миг замиранья сердца от дух захватывающей красоты мира, знакомой с детства и все же способной, как по волшебству, открыться сиянием чуда сотворенной Вселенной:

Шелковый свиток заката
Вышит иглами сосен.

Или:

Со дна Вселенной сегодня
Взошла луна.

Восприятие этих стихотворений требует от читателя культуры созерцания, позволяющей не просто прикоснуться к гармонии мира, а

непосредственно пережить это удивительное и в то же время естественное состояние бытия, от которого часто человек оказывается отлучен в силу современных ритмов жизни, вносящих диссонанс в изначальное единение человеческой души с природным воплощением Вселенной. Пожалуй, именно этот тихий свет гармонизации, прекрасная ясность и мудрая созерцательность и являются основой поэтического мира Веры Лавриной. А путь ее лирической героини к этим высшим ценностям бытия, обретение их в своем духовном опыте, позволяет читателю, способному к пониманию и сопереживанию, непосредственно прикоснуться к красоте этого сдержанного лиризма.

Наталья Налегач
Август 2016